Шел 1978 год. Мы работали на участке Правобережном, в самой вершине ручья Олимпиадинского.
Здесь некогда была отработана очень хорошая россыпь

— Где начальник? Где Федор Борисович? — перекрывая шум теплого летнего дождя, раздался на улице громкий голос Лены Ковалевой, молодого инженера-геофизика, только что закончившей наш геологоразведочный факультет Томского политехнического института. Она вернулась из дальнего самостоятельного маршрута, одного из первых в своей жизни.

— Что случилось, Лена? — с тревогой обратился я к девушке, направлявшейся прямиком к моей палатке. — У тебя все в порядке? А где Лариса?

Испугало то, что Елена, вернувшись в лагерь, не сняла, как обычно, рюкзак, в котором, как я знал, небрежно валялся ее пистолет. Она его звала средством от медведей или антимедведином (по аналогии с антикомарином — средством от гнуса). Она даже не освободилась от гамма-радиометра, за день набившего плечи, а прошла мимо своей палатки. Такая поспешность могла быть вызвана только чем-то особенным, только каким-то чрезвычайным происшествием.

У меня в голове сразу пробежали черные мысли-предположения.

— С ней нет помощницы, юной практикантки Ларисы. Медведь напал на них? Но нет, тогда бы она кричала уже издалека… Лариса заболела или заблудилась в тайге? Или какое-то событие на буровой, мимо которой девушки проходили? Или начальство приехало, о чем Лена могла узнать от кого-то по дороге с участка?

— Лариса идет сзади, — отвечала Лена. — Она отстала, ногу потерла: сапоги-то велики. А случилось вот что: или мой прибор сломался, или аномалия какая-то невероятная. Вот, только посмотрите на записи. А так — все в порядке.

— Подожди, Лена. Заходи. Сними плащ, сапоги, сушись. У меня тепло. Давай мне журнал, посмотрю на отсчеты.

Пока девушка освобождалась от длинного, ей не по росту плаща и прочей мокрой полевой амуниции, я пробежал ее записи. Действительно, тут было чему удивляться. Весь день, пункт за пунктом, она записывала показания прибора. Гамма-излучение было нормальным для этой местности: 10-15 микрорентген в час. Но в конце дня появились необычные отсчеты: 20, 40, даже 60 микрорентген.

— Молодец, Леночка. Все хорошо записала, и даже контрольные замеры сделала. Но непонятно, где расположены эти точки.

— В воде, в болоте. То есть в ручье. Профиль идет прямо по берегу.

— Как это?

— Да, прямо в воде. Измеряли между кочками, даже ноги промочили, сапоги-то дырявые.

— А радиометр-то не дырявый?

— Нет, мы гильзу совали в воду, осторожно, сантиметров на двадцать. И отсчеты не уменьшались, а увеличивались, там все записано.

— Подожди, так не бывает. Это что-то невиданное. В воде уровень излучения должен быть меньше, чем на берегу. Тут что-то не так.

— Вы, что? Не верите мне?

— Верить-то я верю тебе, но что это такое, не знаю. У нас ведь золотое месторождение, а не урановое, и не вулкан какой-то. Ну что ж, завтра проверим вместе, что это за ненормальный ручей. Вот и дождь перестал, утром будет хорошая погода. Смотри, Полкан-то весь ясный.

Действительно, к вечеру горизонт очистился от туч. Над тайгой возвышалась безлесная, на «северах» заснеженная гора. Это был Енашиминский Полкан — высочайшая вершина Енисейского кряжа.

Здесь, в Северо-Енисейской тайге Красноярского края, находится известный сибирский Клондайк, с середины XIX века давший России тысячи тонн золота. В центральной части этого района расположено Олимпиадинское золоторудное поле. Большие перспективы рудной золотоносности этой площади, известной ранее только богатыми россыпями, предсказывались еще в 1926 году томским профессором Николаем Николаевичем Горностаевым. Тогда им был составлен первый послереволюционный обзор золотоносности енисейской тайги. Но только 50 лет спустя, с 70-х годов прошлого века, началось его интенсивное изучение, поиски коренных руд. Здесь копали траншеи, проходили шурфы, бурили скважины.

Олимпиадой — так ласково назвали это месторождение — занимался большой коллектив геологов. Среди них были и томичи-политехники, а один из них, Геннадий Круглов, через несколько лет был утвержден одним из первооткрывателей

Олимпиадинского месторождения.

Как обычно, перспективную площадь сначала исследовали геофизики. Они направлялись сюда Северо-Енисейской геофизической экспедицией, укомплектованной, в основном, выпускниками Томского политехнического института. Вместе с ними исследования проводили и московские ученые, и красноярцы, и томичи. В комплекс работ входили и измерения интенсивности гамма-излучения, которые были возложены как раз на Лену Ковалеву. И все шло хорошо, пока ее не повергло в недоумение радиоактивное болото.

Наутро мы тронулись в путь втроем, с Леной и Ларисой. Было солнечно, дул слабый южный ветер. Трава быстро высохла, можно был продолжать измерения. Мы шли налегке, без рюкзаков и плащей. Даже ружье я не взял с собой, хотя это и было нарушением правил техники безопасности: мы знали, что в окрестностях бродит медведь-людоед, задравший на днях техника-геофизика. Бедный парень, проводивший магнитные измерения в одиночку (это была сдельная работа!), бросив магнитометр, пытался убежать по лесной просеке, но не смог. Медведя можно напугать, но убежать от него нельзя.

Я быстро убедил девушек:

— Мы не будем заходить далеко в тайгу, пойдем втроем, с ножом и Лениным пистолетом. А если уж увидим Мишку, то он вас, горластых, напугается и убежит. Да и я поору тоже. Этому меня учили. Напугается.

Так и порешили.

В болоте пришла моя очередь удивляться. Действительно, здесь гамма-поле было достаточно высоким. И еще более поразительным оказалось то, что в русле безымянного ручья, на который вчера наткнулась наша Лена, бежала по-настоящему радиоактивная вода.

Девушки испугались:

— Это же опасно. Мы можем облучиться. А мы еще молодые, нам никак нельзя, — забеспокоились они. — Что будем делать?

— Активность здесь мала, всего четыре фона. Над гранитами, где-нибудь в горах, бывает намного больше, и ничего. И будем мы здесь толкаться недолго, час, не больше. Так что пойдем дальше, вверх по ручью.

Вскоре мы обнаружили исток этого ручейка. Посреди небольшого озерца, поперечником всего в несколько метров, вода вспучилась маленьким бугорком, выбиваясь из-под земли.

Я объяснил:

— Этот восходящий источник называется грифоном. Тут, в долине, под давлением изливаются артезианские воды, стекающие под землей сюда, в долину, с окрестных гор. А их столь интенсивная и довольно редкая радиоактивность вызывается, скорее всего, радоном. Это такой радиоактивный инертный газ, выделяется при распаде радия.

А потом вспомнил:

— Но вы же томички. Помните окрестности Томска, тамошнее Заварзинское месторождение радоновых вод? И здесь то же самое. Только разница в том, что там золота очень мало, а здесь могут быть сотни тонн руды. Вот мы с вами и поможем геологам подтвердить эти оптимистические прогнозы.

Прошло немного времени, и мы обследовали болотце, выявив целую цепочку радоновых грифонов, протягивающуюся на двести метров. Это указывало на то, что здесь проходит глубокий разлом земной коры, по которому на поверхность поступают насыщенные

радоном газы. О том, что именно к таким местам могут быть приурочены золотые руды, написано в учебниках.

Тут же, рядом, располагались эпицентры других геофизических аномалий — силы тяжести, естественного электрического и магнитного полей. А рядом с ними, в пределах комплексной линейной геофизической аномалии, из нескольких поисковых скважин выливались, несомненно, радоновые воды. Всего этого нам оказалось вполне достаточно, чтобы заявить:

— Именно здесь, под болотом, и находится самое благоприятное место для поисков золотых руд. Здесь надо бурить, и бурить поскорее!

После проведения дополнительных геофизических работ и расчетов, в которых участвовала Елена Ковалева, было высказано предположение об очень больших, невиданных ранее запасах этого уникального месторождения. Среди геофизиков, выполнявших эти исследования, были томичи Геннадий Валента, Равиль Гибадуллин, Степан Мукомело, Павел Токарев и др.

Но осторожные геологи, как это, к сожалению, часто бывает, сначала не поверили оптимистам геофизикам. Слишком уж велика была столь «фантастическая» количественная прогнозная оценка запасов выявленной золоторудной зоны.

— 250 тонн — это же чистейшая фантастика. Как мы можем поверить расчетам каких-то геофизиков? У нас пока прогнозов всего тридцать тонн, и даже это доказать трудно.

Последующая детальная разведка подтвердила и даже превзошла наши смелые подсчеты. А о прогнозе геофизиков потом никто «не вспомнил». Так же, как об оптимистических предсказаниях томского профессора Николая Николаевича Горностаева.

На месте радоновой аномалии Елены Ковалевой сегодня располагается карьер самого большого золотодобывающего предприятия России.

Федор БАКШТ